

СТЕНОГРАММА

круглого стола на тему: "Россия и мир: сценарии развития"

Здание Государственной Думы. Зал 610
11 декабря 2007 года. 11 часов.

Председательствует Первый заместитель председателя Комитета по образованию и науке О.Н. Смолин

Председательствующий. Добрый день, дорогие друзья. Позвольте представиться для тех, кто не знает. Меня зовут Олег Смолин, я Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке и председатель общественного движения "Образование - для всех".

Общественное движение "Образование - для всех" проводит очередной "круглый стол", который, я думаю, можно было бы назвать на сей раз "Образование для нас". И на этот "круглый стол" приглашена чета Хайди и Элвин Тофлер, известная работами в области футурологии, социального моделирования и выстраивания сценариев будущего для нашего беспокойного мира.

На сегодняшний "круглый стол" были приглашены депутаты Государственной Думы, эксперты, представители средств массовой информации. К сожалению, одна важная новость перебила другую. Не далее как вчера Российская Федерация узнала имя потенциального преемника президента. Это стало новостью года. Депутаты Государственной Думы сегодня, те, кто должен был прийти в значительной степени на наш "круглый стол", оказались участниками переговоров представителей фракций с потенциальным кандидатом в потенциальные преемники. Но, тем не менее, я уверен, что сегодняшнее обсуждение получится интересным. В этом зале немало людей, которые также поучаствовали в разработке вопросов информационного общества или общества знаний, в разработке возможных сценариев социально-политического развития России, в том числе и ваш покорный слуга. Я думаю, что "круглый стол" мы будем проводить в свободном режиме. Мы специально пригласили немного людей для того, чтобы общение получилось неформальным, для того, чтобы участники "круглого стола" имели возможность не только представить свою точку зрения, но и задать друг другу вопросы. Короче говоря, мы ожидаем творческого общения и новых интересных идей.

На этом позвольте мне завершить моё вступительное слово. Я думаю, мы поступим правильно, если предоставим первое слово нашему гостю Элвину Тофлеру.

Господин профессор, вам слово.

Элвин Тофлер. Спасибо за приглашение. Мы не ожидали, что нас пригласят в Думу. Но поэтому мы рады быть здесь. Мы провели довольно много времени в конгрессе на всевозможных слушаниях в Вашингтоне. И в бытность журналистом я проводил там большую часть своего времени. Да, но здесь я оказался весьма неожиданно.

Мы с Хайди писатели, и основной предмет наших книг - это и перемены, которые происходят в обществе, и направление, куда эти перемены нас ведут. И основная причина, почему мы сюда приехали - это выход нашей новой книги, которая называется "Революционное богатство" буквально или "Богатство революции, революция богатства". И именно сегодня она выходит из печати. И основной тезис этой книги заключается в том, что большинство наших знаний об экономике сейчас не просто устарели, а стремительно устаревают. И возникает новый тип экономики в США (но не только там), в различных странах с различной скоростью. Но вместе с тем везде это революция.

Множество вещей, которые мы полагали верными по отношению к экономике, не мы, но именно наши экономисты, я так полагаю. А теперь мы видим, как именно возникает новая система, как она поднимается, и мы называем это новой стадией человеческого развития, человеческой истории.

10 тысяч лет назад некий гений изобрёл технологию сельского хозяйства. Возможно, это была женщина. Это была та женщина, которая посадила зерно в землю и отказалась ждать милости от природы, а стала ждать, что вырастит из того, что посадила она. И 10 тысяч лет люди жили в основном как население с натуральным хозяйством с земли. И это была первая великая перемена в истории. А 300 или примерно 350 лет назад в Европе началась промышленная революция, распространившаяся по большей части света и создавшая новый тип цивилизации. И мы называем это второй волной перемен.

Теперь мы переживаем третью перемену в истории. И эта экономика всё больше основывается на знании. Во время промышленного периода ресурсы, потребные для создания богатства, были в основном физические, материальные. Нам требовалась нефть для получения энергии. Металл и множество других физических и химических компонентов.

Но все эти ресурсы ограничены. И если я использую энергию, уже кому-то не достанется. То же самое касается остальных ресурсов. В то же самое время кому-то не

хватит тех ресурсов, которыми мы пользуемся. А если же я использую слишком много, то этого не останется тем, кто придет потом.

Теперь же наступает новая стадия экономического развития. Когда самым важным ресурсом становятся знания. А относительно знаний мы можем сказать, что его нельзя использовать до конца. Сколько бы людей ни использовали законы математики или ни пользовались ей, мы ее не израсходуем. Более того, если мы будем пользоваться этими знаниями вместе, мы создадим его больше. Поэтому теперь есть новые ресурсы, не только те ресурсы, которые были прежде, и их нельзя израсходовать до конца. И между знаниями, если мы его будем рассматривать как экономический ресурс, и другими ресурсами существует множество различий. И сейчас экономисты только начинают рассматривать, они только вступили в стадию рассмотрения вот этих новых аспектов знаний, которые могут лечь в основу экономики. Но именно наука о знании ещё недостаточно развита. Мы не знаем, сколько его вообще есть, не знаем, как действует. Но, тем не менее, все больше и больше именно развитие экономическое от него зависит.

И мы считаем, почему мы называем это революцией, что возникнут сильные изменения не только в экономике, но и в обществе. Например, когда происходила промышленная революция, развилось массовое производство. Когда на сборочных линиях начали производить огромное количество одинаковых продуктов. Но тогда возникло не только массовое промышленное производство, но и средства массовой информации и образование для масс, для большого количества людей. Также и спорт, когда люди отдыхают, множество людей отдыхают вместе. И социологи стали говорить об обществе, которое развивается по закону множества толп в массовом обществе.

Теперь же, мы считаем, что начинают действовать закон демосификации, когда массовые явления не всегда работают. Если мы посмотрим сейчас на массовое производство, то мы увидим, что производятся отнюдь не одинаковые продукты, что развиваются нишевые рынки, и производятся специализированные продукты. Причем специализация доходит даже до личных потребностей. Это упрощается использованием компьютеров, информационных технологий. Массовое производство дешевле.

Мы в молодости провели пять лет на конвейере, работая на конвейере. Я работал на автосборке, а Хайди делала лампочки. Если мы хотели что-то изменить в машине, допустим, пепельницу, пришлось бы остановить тысячу людей, всю линию для того, чтобы внести маленькое изменение. Это дорого. Именно поэтому у нас было массовое производство, потому что это было дешевле.

Сегодня достаточно нажать кнопку и изменить продукт. Это дешево. Таким образом, можно диверсифицировать. И сейчас огромное количество предоставляют даже супермаркеты обычного товара.

И сходный веер возможностей теперь можно увидеть в самых различных областях жизни.

Конечно же, остаются средства массовой информации, но новые средства технологии дают возможность для самовыражения на мировом уровне. Таким образом, мы явно двигаемся по направлению от массового производства к обществу с большей диверсификацией и индивидуализацией. И это влечет за собой огромные последствия для образования как такового, политики и самых различных аспектов жизни.

Посмотрим на образование, на сферу образования. В каждой из стран мира, где мы путешествуем, а мы путешествуем по миру много, мы видим, что в большинстве этих стран школа в кризисе. Я не знаю историю образования в России, но я знаю ее в нашей стране и вот пример. В XIX веке была большая общественная дискуссия о том, вообще стоит ли иметь общественное образование. Причем богатые люди стояли за то, что да, такое образование должно быть, а бедные говорили - нет. Почему? Потому что бедным дети нужны были как рабочая сила, помощники, иначе семья голодала бы. И очень длился этот спор. А потом деловые люди включились в спор. И с деловой точки зрения они говорили: да, приходит много людей от сохи, условно говоря, на фабрики, но они работают неэффективно: например, они опаздывают. Если в работе на поле немножко опоздал, не страшно - отец или брат вступят в работу и помогут, но опоздать на конвейер, это повлечет за собой более серьезные последствия. Тысячи людей ждут, и останавливается работа. И время становится важным фактором. Пробивается карточка. Когда в нашей молодости мы проходили на работу, мы пробивали карточку, указывающую минуту и секунду, когда мы пришли. "Нам нужна школа, - сказали деловые люди, люди деловых кругов, - для того, чтобы сформировать промышленную дисциплину, то есть дисциплину труда на производстве".

И что имеем сейчас. К детям главное требование к ним, чтобы они приходили вовремя. Они учатся, повторяя. То есть, таким образом, это фабрики для производства, собственно говоря, вот этих учеников, которые могут работать на фабрике. То есть это люди, которые массово производятся для массового общества. Но это практически прямо противоположно тем требованиям, которые возникают сегодня, когда мы переходим к иному этапу развития общества.

И поэтому мы в наших книгах снова и снова пишем о том, что мы демосифицируемся в обществе. И нужно и в образовании этот процесс усилить и развить.

Сегодня продукция индивидуализируется, у людей гораздо больше выбора. Это относится к очень многим аспектам жизни. Результатом всего этого является то, что структура нашего общества усложняется, причем эти перемены ускоряются. Соответственно мы имеем одновременное ускорение развития и усложнение. И именно это создает новую социальную систему, которую мы не полностью понимаем ещё. Под нами, я имею в виду Соединенные Штаты, прежде всего, но я думаю, что это происходит и в других странах мира, и в первую очередь многие учреждения устаревают. В промышленном производстве, какая основная форма, какое учреждение основное? Это бюрократия. То есть форма организации бюрократическая. Потому что бюрократия весьма эффективна, но в промышленных обществах. Однако в высокотехнологичном обществе она весьма не эффективна. И в моей стране мы видим, что политика вся пронизана бюрократией.

Вот пример. После атаки на башни 11 сентября, мы решили, что нужно нам обязательно усилить нашу разведку. Что нам следует для этого сделать? У нас 15 агентств разведывательных. Были бы взяты все эти 15 агентств, объединены в огромную пирамиду бюрократическую под названием "отдел отечественной безопасности". И теперь у нас огромная не эффективная бюрократия. Это очень глупо. И особенно глупо, потому что приступили к делу и исполнили по законам промышленной цивилизации. В промышленной цивилизации именно создавалась новая бюрократия для решения новой проблемы.

Сегодняшним путём (путём третьей волны) могло бы стать именно дробление этих бюрократий и создание сетей, которые при взаимодействии могли бы решить эту задачу.

Вот почему мы настаиваем, что вот те факты, о которых мы говорим в новой книге, это не просто изменение по дороге, а революционные коренные изменения. Если не изменить старые структуры, то нельзя эффективно использовать новые технологии. Да, но если вы измените все эти параметры: и социальные, и промышленные, и образовательные - вы получаете новый тип общества.

Сейчас мир смотрит на Америку и, может быть, не до конца понимает, что там внутри происходит. Я не говорю, что все мы понимаем это, мы и также это не очень хорошо понимаем, но происходит именно это - разрушение, распадение, я бы сказал, прежних отчуждений и начало построения, выкристаллизования вот этой новой

экономической структуры. И большая часть нашей книги именно об этом. И оставшаяся часть о том, почему именно прежняя экономика устарела.

Последний комментарий. Когда началась промышленная революция, даже самые такие выдающиеся умы не понимали до конца, что происходит. Один из них (он был врачом мадам де Пампадур), но он, вообще-то, был гений в экономике, и писал об экономике в Китае, например, 18 век. Он говорил о том, что продуктивны лишь два типа людей в обществе: землевладельцы и крестьяне, а все остальные - это стерильные непродуктивные. И всего несколько десятилетий прошло, как эти стерильные люди построили промышленно развитые страны. И сейчас происходит то же самое

Мы переживаем и несёмся на фантастической скорости через новые перемены. Это создаст новый образ жизни, новое общество. И мы должны понимать, куда мы идём. Это небольшое резюме нашей новой книги.

Председательствующий. Замечательно. Спасибо, уважаемый профессор.

Уважаемые коллеги, теперь мы переходим к "круглому столу". Я предлагаю определиться с его правилами. Я предлагаю свободную форму взаимных вопросов, выступлений, по возможности кратких, но зато мы можем предоставить слово одному и тому же человеку ни один раз. Вопрос желательно, по возможности, укладывать в минуту, выступление, желательно, в 3-5 минут.

Если вы позволите, я злоупотреблю положением ведущего, задам первый вопрос и оставлю себе заключительное слово в рамках того же регламента. Нет возражений? И, естественно, вопросы может задать и господин профессор.

Но, если позволите, мой первый вопрос. Уважаемый господин профессор, когда 20 лет назад я читал книгу "Третья волна", среди прочих позиций мне там понравилось следующее. Там было написано, что когда на смену трём-пяти каналам телевидения придут 30-50, каждый гражданин сможет найти тот канал, который будет более всего соответствовать его потребностям. Это приводилось как доказательство процессов демосификации. Теперь у себя в России я порой перещёлкиваю до 20 каналов и практически на всех, кроме канала "Культура", вижу одно и то же. Причём мотивируется это тем, что каналам нужны рейтинги, а так называемая попса пользуется наибольшим спросом у населения. Мой вопрос заключается в следующем. Не кажется ли вам, что, по крайней мере, в области массовой культуры и массовых коммуникаций сейчас мы наблюдаем не столько демосификацию, сколько фрагментаризацию обмассовления. Простите мне такую сложную фразу: фрагментаризацию обмассовления.

Элвин Тофлер. У нас дома тоже есть та же самая мусорка на всех каналах, на множестве каналов. Но это не то, что смотрят молодые люди. Сейчас, на мой взгляд, мы наблюдаем медленное умирание традиционных средств массовой информации, потому что появилось много альтернативных способов обмена информацией. И одним из критериев является то, куда вкладывают деньги рекламодатели для того, чтобы понять, что сейчас более эффективно. Мы все окаменелости, потому что мы ещё читаем газеты.

Председательствующий. Спасибо. Уважаемые коллеги, кто следующий - просьба представляться каждому кто будет задавать вопрос или выступать.

Булавко Л. Булавко Людмила. Занимаюсь философией культуры, Институт культурологии.

Я хотела бы задать вопрос профессору Тофлеру. Скажите, пожалуйста, в чём заключается новизна и специфика вашего понимания природы общественности по сравнению с разработками таких учёных как Белл, Сакая, Дракер, Косталес?

Хайди Тофлер. Белл говорил очень много о постиндустриальном обществе. Но он делал упор на университеты, а университеты сейчас не основная движущая сила, поскольку не основная масса людей учится в университетах, а основная масса общается с компьютерами. То есть те новые способы общения, которые приходят через компьютер, и будут иметь большее значение. Более того, университеты репродуцируют проблему из-за внутренней феодальной организации в них. Дракер, это в основном бизнесменеджмент. Хотя он и замечательный учёный, но там, в основном бизнесменеджмент, не общество в целом.

Булавко Л. Я тогда хотела бы уточнить: именно в чём заключается специфика и новизна ваших разработок? Это такой типичный вопрос, который у нас звучит обычно на защите диссертации.

Председательствующий. Людмила Булавко недавно защитила диссертацию... Она вас и допрашивает.

Элвин Тофлер. Я думаю, что мы не очень много знаем о знании ещё. Сколько его вообще? Что мы подразумеваем под знанием? У знания есть ряд характеристик, которые отличают его от других ресурсов. Это не физический продукт, не материальный продукт.

Один французский писатель говорил: при покупке машины мы пинаем шину ногой, поднимаем капот, смотрим, какой там мотор. Но с сознанием такое не пройдет.

Речь идет о том, что сейчас не нужно даже в библиотеку идти для того, чтобы получить какие-то новые сведения, ищешь и находишь ту информацию, которую

специфически тебе нужно для поездки в Россию или для чего-либо еще. Например, я могу почитать блок о том, что сейчас здесь происходит, в России, что они видели, какое у них мнение об этом. Либо выбрать статьи из любой газеты мира или любого журнала мира о том, что здесь происходит. Я думаю, это одна из причин возвращения к религиозности, к вере, потому что это просто, не надо думать. Слишком большое количество информации, это как действительно бомбовый удар, по людям бьет информация со всех сторон.

И теперь самое важное - научить людей думать. Вот это - задача образования. Ведь практически любой вопрос не имеет ответа "да" или "нет".

Председательствующий. Спасибо. Следующий, пожалуйста.

Московкин Л. ("Московская правда"). У меня, если можно, два вопроса. Один - технический. От лица присутствующих здесь журналистов очень трудно писать о том, чего нет, вот этих знаний материально, но хотелось бы либо видеть эту книгу, либо знать, где можно найти хотя бы фрагменты. А вы можете дать журналистам? И если можно, я закончу этот вопрос, явно простой. Спасибо. Вопрос эволюциониста состоит в том, что мы должны понимать, куда мы идем. Если мы будем понимать, куда мы идем, откуда возникнет новое. Тут за всех ответил Галич, который высказался против, кто знает.

Если можно, еще короткое замечание. Работая в Думе, очень сильно понятно, насколько информирована эта площадка и насколько пишут на Западе, в том числе и в блогах дают достаточно одностороннюю информацию. Я не уверен, не могу согласиться с тем, что, сидя за рубежом, по какой-то одной сфере, хотя я сам тоже очень много пользуюсь блогами и понимаю, почему это удобно, можно дать что-то адекватное о том, что происходит здесь. Россия сейчас находится на самом остром перемене, о которых вы говорите. Спасибо вам за вашу книгу.

_____. Ребята, завтра в три часа в магазине "Книга", который на Лубянке, будет презентация вот этого перевода.

Там же и будет продаваться, естественно, она.

А книга называется, по-моему, как раз неправильно она называется, типа, как перевели, "Революционные богатства", а на самом деле "Революция богатства".

_____. Нет, "Революция богатства", да.

_____. Что лишний раз говорит ещё о чём-то.

Хайди Тофлер. Мы смотрим два канала по кабельному телевидению "СиСПН-1" и "СиСПН-2" - круглосуточные. Это парламентские каналы. Но это не просто репортажи о том, что было и прошло, то есть там есть и живой показ, и дискуссии о тех вопросах, которые обсуждались в эти дни. Один из них - это конгресс показывается, другой - сенат.

По уик-эндам - это обзоры, книжные обзоры, но не художественная литература. И там представляются все те новые книги, как раз и по общественным наукам, и вы слышите огромное количество мнений. И книжные ярмарки происходят по всей стране. В каждой области есть книжная ярмарка. Но и если же вы услышали какую-то информацию, прежде вы бы шли, искали эту книгу в магазине, а теперь вы выходите на ... и заказываете её. Более того, можете заказать и по телевидению тоже. И это самое лучшее, что сейчас есть - телевидение, и никакой рекламы.

_____. Можно я задам вопрос?

Председательствующий. Да. Пожалуйста.

Председательствующий. Представляйтесь.

Хаиров Р. Международной фонд "За выживание и развитие человечества". Это такое амбициозное название. Нашему фонду 20 лет, и мы как раз начинали вместе с Тофлерами.

А вопрос вот какой. Вчера состоялось небольшое заседание в "Президент-отеле", вот куда приехали Тофлеры по приглашению Суркова. И оно было посвящено стратегии будущего.

И там Элвин и Хайди очень интересно рассказывали об опыте в Китае, опыте образования в Китае. Я хотел бы спросить, потому что для данной аудитории это могло бы быть интересно.

Элвин Тофлер. В книге мы говорим о трех типах реакции на вот эту новую революцию: в Европе, в Китае и в США. И мы считаем, что Европа и Китай противоположны практически, контрастны в этом отношении.

В 2000 году в ООН была встреча, в Лиссабоне. Они не использовали слово "третья волна", но они именно обсуждали общество третьей волны. И закончилась эта встреча меморандумом, где говорилось, что к 2010 году в Европе произойдет наиболее успешное развитие экономики третьей волны в мире. Опять-таки слово "третья волна" они не использовали, но, по сути, они говорили об этом.

Через год был новый меморандум, в котором говорилось, что мы, к сожалению, не сильно продвинулись в этом направлении. И ещё через год опять-таки была повторена та же формулировка. К сожалению, мы опять-таки не продвинулись. И год за годом они констатировали, что, несмотря на то, что скорости нарастают в других частях света, в Европе они наоборот замедляются. Канцлер Германии сказал, что, значит, это не важно, потому что это всё это чепуха, и нас не касается.

Но если резюмировать, то можно констатировать, собственно, что в Европе этих быстрых изменений не происходит. Но в этом плане в Китае-то как раз что-то происходит. И что же там происходит? Прямо противоположный процесс. Традиционные экономисты говорят, дают совет каждой развивающейся стране, пройти тот же путь, что прошли они сами. То есть развиваться от сельскохозяйственного общества к промышленному. Но в 1993 году китайцы сделали что-то совершенно иное. Было собрание Политбюро, где был принят документ, что да, мы хотим идти путем развития, мы построим и конвейеры, и крестьяне, переехавшие в город, будут "дешевым трудом". И они это сделали, но они сказали ещё вот что, кроме них никто такого не сказал. Мы сделали то, как нам советуют, но мы не будем дожидаться, пока этот процесс завершится, мы начнем и третью волну одновременно.

Они взяли нашу книгу, которая так и называется "Третья волна" в 1993 году, опубликовали ее в количестве огромном экземпляров. И она была использована, для того чтобы убедить людей, что происходит не просто повторение промышленной революции, что сейчас в 1993 году мы должны начать строить общество новой третьей волны, а мы же два года не знали об этом, потому что это были внутренние процессы в политбюро. У нас ещё была телевизионная программа, которая снята вместе с японцами. Через два года мы летели в Париж, я не очень хорошо говорю по-французски, но могу написать свое имя, я увидел там свое имя во французском журнале. И именно там я прочитал, что моя книга - это бестселлер в Китае. Только речи Дэн Сяо Пина большим количеством экземпляров были изданы. Фильм был выпущен на телеканал китайский (дублирован на китайский язык).

Именно этот фильм и эта книга представили им некий образ будущего, к которому можно двигаться. Если у вас нет образа, куда вы двигаетесь, то двигаться невозможно.

То есть, если резюмировать то, что происходит в Китае, они согласились на традиционное промышленное развитие по второй волне, но одновременно применяя методiku и третьей волны. И сейчас в Китае есть много центров исследовательских, куда они пригласили ученых из Европы и Америки. Большинство крупных компаний имеют там лабораторию, где работают совместно китайские и западные ученые. Поэтому тут большое различие между европейским подходом и китайским.

Председательствующий. Я предлагаю перейти к выступлениям российских участников, которые в свою очередь позволят нашим гостям при желании задать им вопросы. Если я правильно понимаю, первый в заявке Александр Бузгалин.

Бузгалин А. Да, Олег Николаевич, я благодарен за возможность сказать несколько слов.

_____ Извините, прошу прощения, у прессы ещё один вопрос к профессору. Разрешите, короткий?

Председательствующий. Мы уже объявили Александра Бузгалина. После этого будет ещё ваш вопрос.

Бузгалин А. Я вполне понимаю прессу, которой интересно слушать зарубежных гостей. Но, тем не менее, мы действительно знакомимся с книгами профессора Тофлера, мы очень рады, что он здесь с супругой, с вашими работами. Мы много спорили о работах других западных авторов в 80-е годы. Но на самом деле интересно ещё и то, что где-то в 60-е годы, по меньшей мере, может быть и раньше, ещё в недрах советского тогда марксизма развивались идеи о том, что будущее общество это общество, в котором главную роль будет играть творческая деятельность, так называемый всеобщий труд, то есть труд, создающий богатство, принадлежащее всем. И поэтому для нас те работы оказались интересными, но не очень удивительными. С той поры прошло много лет, и многие десятилетия в нашей стране идут довольно активные дискуссии среди учёных, в том числе экономистов, я сам профессор Московского государственного университета. И я сейчас попробую просто коротко обозначить основные темы этих дискуссий.

Как я уже сказал, довольно давно известно, что знание - это богатство, не имеющее границ, в отличие от материального богатства. Соответственно возникает интересный вопрос: насколько это богатство может и должно находиться в частной собственности? То, что Бил Гейтс считает абсолютно нормальным и единственно возможным частную собственность на своё программное обеспечение, выглядит очевидным. Столь же очевидным выглядит то, что частной собственности на правила арифметики быть не может. Возникает интересная теоретическая проблема. Один плюс один равняется два, никто не имеет частной собственности на это правило. Но если вы хотите использовать висту, то вы должны платить денежки Гейтсу. Виста - это правило, один плюс один равняется двум, XXI века. Не более того. Соответственно, возникает теоретический вопрос, где и до какой меры необходима частная собственность на знания, на информацию, а где возможна и эффективна всеобщая собственность? Это не государственная собственность, это собственность каждого на всё. Каждый из нас владеет в потенциале всеми знаниями и никаких проблем, мы не мешаем друг другу. Это то, что было предложено в качестве модели теоретической, где-то в 60-е годы в СССР ещё, и что

активно развивается сейчас в нашей стране, вот эта дискуссия, где границы частной собственности на знания.

Вторая тема - это где границы рынка в сфере знаний. Я много раз слышал и от российских, и от европейских, и американских коллег известную тезу, правда, я её открыл сам, но велосипеды многие открывают, теза состоит в том, что в отличие от нормального рынка, где цена тем выше, чем больше спрос, в обществе знаний возможна обратная связь. Если ваша книга издана тиражом в 10 экземпляров, и вы хотите получить за неё гонорар, скажем, 10 тысяч долларов, очень скромный, то каждый покупатель должен вам заплатить по тысячи.

Но если вашу книгу издали тиражом в миллион экземпляров, то каждый из покупателей заплатит там сколько-то центов, или даже долю цента. Следовательно, чем больше спрос, тем меньше цена. Это смешная иллюстрация того, что законы рынка в мире знания работают весьма специфично, или возможны другие законы. Это второй большой вопрос, второе поле дебатов, где мы уже работаем лет 15-20 последних.

И третье поле дебатов - это о том, в какой сфере развивается экономика и общество знаний в первую очередь. Я позволю себе спорное утверждение. В мире в целом, в США в первую очередь, новые возможности знаний используются, прежде всего, для таких сфер, как финансы и финансовое посредничество, корпоративное управление, деятельность различных контор, посреднических фирм, военно-промышленный комплекс, который продолжает расти, шоу-бизнес, массовая культура. Они ничего не дают для развития личности и творчества человека. С этой точки зрения эта сфера, вообще говоря, которая противоположна по интенциям тому, что заложено в природе общества знаний. То есть они или нейтральны, или противоположны тому, что нужно обществу знаний.

Если мы посмотрим, как развивается уровень подготовки педагогов начальных школ для массовых начальных школ, общедоступных начальных школ, как развивается система работы с подростками и так далее. То есть те сферы, где нужна больше всего творческая деятельность. То есть здесь мы особого прогресса по сравнению с 60-ми годами ни в США, ни в других странах не заметили. Едва ли не деградацию. Компьютер приводит к тому, что 90% его пользователей играют в стрелялки, массовых пользователей, а Интернет к тому, что там на первом месте стоят известные вам не самые приличные сайты и поиск информации о том, где дешевле купить стандартные продукты. Иными словами, если мы развиваем модель общества потребления, общества посреднической деятельности финансовых спекуляций военно-промышленного комплекса, то мы идем в противоположном направлении по сравнению с тем, что требует

общество знаний. В некотором смысле в тупик. Вот это тот вывод, которые ваши последователи сделали на основании ваших работ. Вывод о том, что ваша родина во многом развивается в тупиковом направлении. Это провокационное выступление, конечно, несколько утрированное, но я хотел бы это подчеркнуть.

Спасибо.

Элвин Тофлер. Если говорить о любой технологии, то практически любая технология может быть использована в разрушительных целях. Можно использовать лопату для того, чтобы посадить зернышко или ударить вашего соседа по голове.

Бузгалин А. У меня к вам вопрос. Какой тип использования лопаты вы считаете необходимым?

Считаем, что истеблишмент в вашей стране лопату используют для того, чтобы бить по голове.

Элвин Тофлер. Не согласен.

Разрешите мне рассказать о нашем опыте.

Знаете ли вы о системе "Линекс"? Позвольте мне сначала сделать такое публичное признание. Я верю в рынок на сто процентов. Но не на тысячу. Я не верю, что вот этот рынок, в котором соперничество, может разрешить все проблемы. Но наши экономисты частично, конечно, не согласятся со мной, и мы их зовем - рыночные фундаменталисты (как в религии). Мы считаем, что существует ряд вещей, важных вещей, которых рынок не достигнет.

Хайди Тофлер. Я только что купила два новых компьютера "DUO". Но я не купила "VISTA". Я выбрала такое количество хардового, которое мне нужно, железа. Но систему я оставила прежнюю. И поэтому она не хочет платить за то, чему она не хочет учиться. Мне оно не нужно, потому что это усложняет мою жизнь. Но нас же никто не заставляет ее купить. Пока есть другие системы. И мистер Гейтс ее не заставляет покупать - "VISTA".

Бузгалин А. Вы знаете, я готов с вами поспорить на большую сумму, что мистер Гейтс через пять лет заставит вас купить "VISTA", иначе вы не сможете работать.

Элвин Тофлер. Вы начали говорить об интеллектуальной собственности. Помню, в Южной Корее мы пошли в книжный магазин и там увидели четыре издания, незаконных издания нашей книги (в книжном магазине). Они тогда ещё не вступили в Бернскую конвенцию, соответственно, до Олимпиады ещё. Китайские издатели тоже не заплатили роялти. Видимо, заплатили только деньги целиком. Но, тем не менее, они горды тем, что это было издано в школьных изданиях и распространилось по Китаю в таком большом количестве.

И теперешние суды на тему о праве на пользование продуктом, они движутся по старым рельсам. Они те же самые правила пытаются применить к новому продукту. Не знаю, как это разрешить. Но то, что по-старому не получится (он уверен).

Но вот еще, если касательно "Линукса", тут есть еще один аспект. Это существование второй экономики, второй экономической системы, можно так назвать. И экономисты обычно не очень много внимания уделяют этому. Мы даже не используем термин "экономика" в этом отношении. А это система богатства. Часть этой системы - это то, что экономисты называют экономикой. Это денежный обмен. И собственно, экономисты измеряют количество денег. Но люди создают ценности, даже те, которые имеют ценность в денежном выражении, но за это не получают денег. Никому не заплатили за создание "Линукса", и "Википедия" и ряда других проектов. И очень большая и важная часть книги посвящена именно этому виду деятельности. Практически все виды работы, которые создают ценности и даже те, которые можно оценить в денежном выражении, но делаются они не ради денег. Они оказывают воздействие на денежную экономику, но они не регулируются денежным обменом.

Мы недавно провели исследование в Нью-Йорке об экономической роли матерей. Мать делает массу разных вещей, готовит. Она может купить еду, но она ее готовит. Если ребенок падает, она заклеивает ему его ранку. Она повар, она врач. Она везет ребенка в школу - она водитель, и множество других функций исполняет. И что, если бы она платила за все вот вещи, которые она делает не за деньги? Сколько это будет стоить? И она бы тогда платила 143 тысячи долларов в год. Если бы можно по традиционной экономической методике посчитать, то это бы количество прибавилось к валовому продукту. Но если не за это не платят, это не считается ценностью. И мы об этом пишем в книге, что мы должны посмотреть внимательно на все, что создает ценности, помимо денежной экономики.

Мы должны посмотреть внимательно на всё, что создаёт ценности, помимо денежной экономики.

Председательствующий. Уважаемые коллеги, на правах ведущего я позволю себе короткие реплики.

Реплика первая. Я убеждён в том, что уважаемая чета Тофлер также мало отвечает за действия американского истеблишмента, как профессор Смолин или профессор Бузгалин за действия истеблишмента российского.

_____. Вопрос, как мы относимся к истеблишменту и как относится профессор Тофлер к своему.

Председательствующий. Да.

Второе. Что касается интеллектуальной собственности. К сожалению, в России с 2008 года вступает в действие четвёртая часть Гражданского кодекса, основанная, как справедливо нам говорил, кстати, профессор Тофлер, на безнадежно устаревших представлениях об этой собственности. Когда этот проект обсуждали в Думе, мною были предложены поправки, смысл которых заключался в следующем. Если человек или организация использует чужую интеллектуальную собственность в целях извлечения прибыли, он должен за это платить. Если он использует эту интеллектуальную собственность в целях развития человеческого потенциала, это нужно поощрять, а отнюдь не наказывать, как предполагает российский Гражданский кодекс.

Но и последнее. Я совершенно солидарен, что обществом абсолютно недооценён, может быть, главный труд в обществе - труд по воспитанию детей. К сожалению, заложить в бюджет хотя бы элементарные детские пособия, помогающие матерям, по преимуществу, воспитывать таких детей, практически невозможно. Более того, в России за последние 20 лет в реальных размерах эти детские пособия уменьшились в 14 раз. *(Реплика из зала, не слышно).*

Так я в реальных деньгах и говорю.

Так, коллеги, кто следующий? Желающие выступить.

Мы обещали прессе вопрос.

Представляйтесь, пожалуйста.

Межуев Б. Журнал "Смысл".

Мне хотелось задать профессору Тофлеру два вопроса. Действительно мы все читали книги профессора и, по-моему, все читали, которые выходили, по крайней мере, в нашей стране. В связи с этим, может быть, два вопроса не совсем по теме сегодняшнего его выступления, но по тем темам, которые затрагивались в его прошлых книгах, вот, в частности, в книгах "Третья волна" и "Создавай новую цивилизацию".

Вот один из прогнозов, насколько я помню, профессора Тофлера состоял в том, что экономика третьей волны и его производства увеличатся в своей стоимости по отношению к тому, что производит третий мир по отношению к тому, что третий мир поставляет в мир третьей волны. Вот так вот, тут два раза слово "третий". На самом деле жизнь показывает, что происходит совершенно по-другому, резко увеличивается стоимость сырья, цены на сырьё и снижается, по крайней мере, с 90-х годов, стоимость акций интеллектуального производства.

Вот у меня такой вопрос. Насколько эта некая тенденция постоянна или это временный фактор отклоняющихся от каких-то долгосрочных тенденций развития современного общества? Это первый вопрос.

И второй вопрос заключается в том, вот относительно отношений к истеблишменту и современной политике. Потому что я помню в книге "Создавая новую цивилизацию", написанной профессором вместе с супругой Хейди, говорится о, ну так я понимаю, некоем новом империализме, который мир третьей волны должен осуществлять по отношению вот к странам, поставляющим сырьё и дешёвую рабочую силу. Более того, просто дословно. Насколько я помню, так говорится следующим образом, что новая цивилизация может с успехом бороться за глобальную гегемонию, так же, как это делали модернизаторы второй волны по отношению к своим предшественникам, представителям первой волны, несколько веков назад.

Вот насколько эта политика (политика такого нового империализма) может быть успешной в связи с последними событиями, которые сейчас происходят в мире, когда, по-моему, она явно демонстрирует свой небольшой триумф, так скажем. Речь идет об отношениях между этими мирами. Могут ли они полностью оторваться друг от друга или необходима какая-то политика по их силовой интеграции?

_____. Видимо, вопрос не очень до конца понятен. Как понимает он, говорит, что, если мы движемся по второй волне и третьей волне, не оставляем ли мы позади ещё и первую? Но, я думаю, не об этом вы спрашивали в основном.

_____. Я спрашивал не совсем об этом. Я спрашивал о том, если мы ее оставляем, можем ли мы оставить ее равнодушие или какая-то должна быть политика, интеграция?

Элвин Тофлер. Они и так объединены и взаимодействуют. Может быть, это не так видно на первый взгляд. Но поскольку все происходит на одной планете, все взаимосвязано, что-то напрямую, и мы это можем увидеть, а что-то весьма не прямым образом. И то, как мы используем эту планету, оказывает влияние на всех, даже, если это весьма небольшое количество. Видимо, все-таки, наверно, тоже для вас важно, мы думаем ли о тех, которые отстают от этих всех двух волн? Тоже думаем, да? Самый первый и очевидный ответ это, что с помощью новых технологий можно все делать гораздо дешевле и таким образом воздействовать. Если бы это было не так, то никто бы не давал этим способам развиваться. Но гораздо важнее то, как оказывает эта технология третьей волны и вообще подход третьей волны на то, как мы думаем, а не на продукт.

Прежде всего, это через возможность для коммуникаций для самого, допустим, бедного ребенка где-нибудь в далекой горной провинции Китая связаться со всем миром. Он уже не ограничен только пределом маленькой деревни. У него есть доступ к возможностям нового способа освоения действительности. Прежде, если вы были действительно бедны, совершенно однозначно были бы невежественны и не получили бы такого доступа. И теперь проще узнать, что происходит в окружающем мире. Конечно, я не хочу утверждать, что каждый бедный ребенок имеет компьютер. Однако сейчас открыто для него гораздо больше возможностей, которых прежде не существовало.

Были очень интересные эксперименты. Мы знаем в Индии людей, они вмуровали компьютер в каменную стену и установили камеру, чтобы наблюдать, что будет происходить с этим компьютером (на улице). К нему пришли дети. Никто их не учил. Но они сами разобрались очень быстро, как выйти в сеть и в какие игры там играть. И сами себя обучили. 10-летние дети.

И вот сейчас на рынок выходит 100-долларовый компьютер, который можно будет использовать как раз в такой обстановке.

Председательствующий. Спасибо, уважаемые коллеги, наше время потихоньку приближается к концу.

Ещё выступающие есть?

Сергей Николаевич Бабулев.

Потом Андрей Колганов.

Бабулев С.Н. Уважаемые коллеги, я постараюсь быть кратким.

Я не люблю смотреть телевидение, но вчера показывали присуждение Нобелевской премии Гору, соответственно, и IPCC, межправительственная панель по изменению климата. Можно по-разному относиться к этим процессам, но ясно, что на экономику они окажут очень большое воздействие.

Я согласен с профессором, когда он сначала говорил, что вообще современная экономическая модель во многом несовершенна.

Мы можем ещё перечислить для всего мира целый ряд проблем, которые нас ожидают в самом ближайшем будущем, что бедный станет беднее, проблема с питьевой водой, уменьшение земельных площадей в сельском хозяйстве и так далее. То есть это все вызовы, на которые, мне кажется, вот такая модель, которая сложилась в мире сейчас, экономическая, она не может предложить выхода. И в связи с этим целый ряд таких вопросов, может быть, к профессору. Когда он сказал, что рынок на 100%, но не на 1000%

может сработать, мне кажется, что в современной модели, как раз традиционной (рыночной), она начинает все больше и больше пробуксовывать.

И вообще не очень понятно, как ее можно скрестить с экономикой знаний.

Классические проблемы, которые стоят перед современной экономикой, если мы берем традиционную, или вот профессор использовал хорошее слово "конвеншл экономика", - фактор времени. То есть совершенно непонятно, как в современную модель мы можем внедрить долгосрочные тренды.

Фактор неопределенности. Мы уже говорим. Я просто в качестве примера привел глобальные экологические проблемы. То есть ясно, что встает проблема, я ее называю знание о незнании. То есть в современную экономику должны быть внедрены какие-то четко такие лимиты, ограничивающие регуляторы. В рыночной экономике это совершенно непонятно, как происходит.

Я только на прошлой неделе видел прогноз европейского сообщества. Все тренды идут на рост: рост энергии, рост потребления, вода и как далее. То есть вот где те ограничители в традиционной экономике.

Пример Китая тоже, мне кажется, может, как бы сказать, быть оспорен. Сумасшедший экономический рост. И вот месяц назад к вопросу о тех газетах, которые мы ругаем, я прочел интервью министра охраны окружающей среды, который говорит, что вот этот рост надо останавливать, потому что мы уже проедаем и природный капитал, и разрушаем среду. То есть вот такие достаточно глобальные вопросы, все-таки насколько традиционная рыночная экономика и экономика знаний могут быть скрещены или нам нужна вообще какая-то принципиально другая экономика.

Председательствующий. И если я правильно понимаю, как быть с экологическими ограничениями, в частности.

_____. Социальные, которые тоже растут. Да.

Элвин Тофлер. Мы бы не знали, что у нас есть эти проблемы с климатом, если бы у нас не было компьютеров.

Хайди Тофлер. Мы бы начали еще, когда изобрели только сельское хозяйство, разрушать нашу окружающую среду, и когда готовить еду, и рубить деревья. Это поджоговое земледелие, огневое земледелие.

Элвин Тофлер. Но, конечно, самый настоящий враг - это индустриальная промышленная цивилизация. И в этом плане, хотя экономика третьей волны тоже воздействует на окружающую среду, но в гораздо меньшей степени, чем традиционная промышленная экономика. Это не означает, конечно, что мир

совершенен и что не будет проблемы. У нас проблемы останутся, но они будут другого свойства. Но дают надежду те новые инструменты, которых у нас раньше не было, которые могут нам, по крайней мере, помочь понять эти проблемы.

Хайди Тофлер. Разве это не совпадение, что мы, наконец, стали осознавать проблему, что у нас не хватает минеральных ресурсов, когда они стали кончаться? Как будто 20 лет это было не так ясно. Сейчас других людей заставляет об этом задуматься вот эта вот растущая цена на эти ресурсы, но это дает и надежду. Теперь эффективно, с точки зрения стоимости, производить энергию альтернативным путём. Но 10 лет назад это было не так. Например, в Пекине 10 лет назад трудно было дышать, потому что они сжигали уголь. А в Лондоне вообще люди умирали от лёгочных заболеваний именно из-за этого.

Элвин Тофлер. В Нью-Йорке в 1900 году, была вот недавно книга выпущена о Нью-Йорке 1990 года, и там нельзя было пройти, не утонув по колени в навозе. Мы совсем не полностью безмятежны. Мы думаем, что это не решение всех проблем. Есть масса проблем ещё. Поскольку мы американцы, видимо, это такое племя, которое рождается со встроенным оптимизмом, так на химическом уровне. (Смех).

Колганов А.И. У меня нет сомнений, что в мире происходит революция знаний, и в том, что эта революция затрагивает всё глобальное сообщество, в том числе и самые слабо развитые страны. Но я вижу также, что потенциал революции знаний используется в современном обществе крайне неравномерно. Этот потенциал реализуется главным образом в так называемых знание интенсивных секторах и затрагивает профессионалов, занятых в этих секторах. Эта революция затрагивает также и всех остальных людей в мире, но крайне поверхностно. И у меня возникает впечатление, что та экономическая система, которая сформировалась в период промышленной экономики, в период экономики второй волны препятствует развитию революции знаний. У меня возникает убеждение, что полное осуществление революции знаний невозможно без аналогичной революции в экономической системе. Я могу привести простой пример, который здесь уже, так сказать, дискутировался. Я могу выбрать, так сказать, любую из многочисленных моделей и конфигураций компьютеров, представленных на рынке. И, предположим, я выбираю для себя компьютер "Тошиба Саттелит", но я не могу купить этот компьютер, не заплатив за операционную систему виста. Этот компьютер не продаётся без операционной системы виста. И то же самое делают множество производителей других компьютеров. У них существует соглашение с корпорацией Майкрософт. Таким образом, потребителю уже сейчас виста навязывается в принудительном порядке. Одновременно в

обществе знаний мы действительно видим другую экономику, экономику, где существует свободная циркуляция знаний и информации. Мы видим огромные объёмы свободного обмена информацией, скажем, в научном сообществе.

Мы видим возможность получить доступ к огромному объёму бесплатного программного обеспечения - фрисофтвея. Мы видим, что действительно создаётся некая параллельная экономика, которая существует, которая эффективна, раз она существует, и которая прекрасно обходится без рыночных отношений. Возникает вопрос: а вообще будут ли нужны в экономике знания, если такая экономика станет универсальной, если она станет господствующей? Будут ли вообще нам нужны такие отношения как рынок и частная собственность или это целиком будет экономика того, что можно было бы назвать экономикой свободного доступа?

Элвин Тофлер. Доступ будет всё удешевляться. Но я не знаю пределов рынка. Для меня это не некий символ религиозный. Это просто способ организации деятельности, который привычен. В своё время он был очень эффективен. Я вырос на Марксе и Энгельсе. Но я знаю и слабости, те, которые там есть.

Хайди Тофлер. Мы знаем как участники системы народного капитализма, когда мы все становимся держателями акций, участвуем в пенсионных проектах, что мы возлагаем надежды, но и много теряем в этом тоже. Поэтому слишком много времени, если действительно следить за этим рынком и получать от него какой-то доход. Но для некоторых из наших друзей это очень увлекательные грани, посвящают этому очень много времени.

Но я хотела ещё обсудить риск.

Она говорит о риске, о факторе риска, что наше общество не очень приучено к риску. В то же время, если есть законы о банкротстве, этот закон смягчает ситуацию в Америке. Потому что если тебя объявят банкротом, это за собой никаких особенных последствий не ведёт. И поэтому нельзя делать слишком жестокими законы против банкротства, что якобы если ты банкрот - ты не можешь начинать новый бизнес.

Это в Индии был как раз, это вопрос об Индии в данном случае. И в рыночной экономике вот это очень важно, чтобы не было бы такого сильного наказания за первичную неудачу. Потому что пример, о котором она говорила, человек в Силиконовой долине потерял большие деньги, но второй проект ему уже принес, он уже опыт обрел, он не повторил тех ошибок.

Элвин Тофлер. Какая кличка была у Клинтона? "Человек, который возвращается". Мы чтим именно за то, что ты хотя и совершил ошибку, но ты вернулся, сумел вернуться. Плохо - не вернуться. А вот совершить ошибку и ее преодолеть, то это достоинство.

Хайди Тофлер. И вот ее интересует, как при переписи, сколько окажется людей, которые называют себя "самозанятыми" людьми. Она думает, что это будет очень большое число. И вот это вот та свобода, которая нравится особенно ей как творческому человеку, потому что очень многие начинали, потерпели неудачу, но потом преуспели.

Элвин Тофлер. Мы 50 лет - самозанятые. Это риск. Но мы очень удачливые люди. Мы родились в такое время и жили в богатой стране. У нас был доступ к образованию. А наши родители были бедны. Денег не было в нашей семье. Тогда была великая депрессия. И мой отец какие-то мелочи продавал и хотел получить денег хотя бы на еду. Но было возможно выбраться из этой ситуации, выжить, поднять семью. И именно в те годы образование было очень важным акцентом в нашем воспитании. И опять-таки в то время росла экономика США, мы могли родиться где-то ещё, но мы родились... Мы не утописты. Мы не думаем, что нам удастся создать полностью безоблачное общество, и что все вот эти новые технологии будут абсолютно великолепны. Билл Гейтс и меня злит, потому что он навязывает нам...

Но когда я оглядываюсь назад, на то, что мы прошли, какой мы исторический путь прошли. Что сегодня...

Самое вот худшее, до чего мы можем дойти, это, тем не менее, в нашем человеческом историческом отрезке существования цивилизации - это лучшее время.

Председательствующий. Спасибо.

Уважаемые коллеги, время неумолимо приближается к концу, но мы не можем не дать ещё короткую реплику Людмиле Булавкиной, она у нас просила её. Людмила Алексеевна, минута, если можно.

Затем. Мы не можем не предоставить слово появившегося у нас, мы рады его приветствовать, депутату Государственной Думы, лидеру движения "За достойную жизнь" Сергею Юрьевичу Глазьеву.

Но и затем, если вы не возражаете, моё заключительное слово, тоже в пределах регламента.

Людмила Алексеевна.

Булавкина Л.А. Я хотела бы сказать. С точки зрения философии культуры современной, апологетика третьей волны мною рассматривается как вчерашний день, потому что концепция и все разработки, связанные с развитием концепции третьей волны,

они связаны с тем, чтобы влить свежую кровь в рыночную модель существования человека, а эта модель терпит сегодня поражение за поражением.

Где сегодня Хемингуэй Америки? Его нет. Где сегодня Гершвин Америки? Нет. Сегодня - Шварценеггер и Мадонна. Это лучшее, что достигло американское общество в своё "золотое время" сегодня.

Поэтому я думаю, что нужно ориентироваться не просто на знания, знания сегодня используются как дополнительное украшение, элемент, чтобы продать себя подороже на рынке, и больше ничего.

Я думаю, что надо ориентироваться не столько на общество знания, сколько на общество мира культуры, где человек реализует свой творческий потенциал, где он будет субъектом в социальной сфере, в экономике, в культуре, как это было в 20-е годы после Октябрьской революции в революционной России.

Спасибо.

_____ . Какие годы?

Булавкина Л.А. В 20-е годы после Октябрьской революции.

Председательствующий. Может быть, сначала ещё Сергей Глазьев, потом реплика?

Да?

Ну что, Сергей Юрьевич.

_____ . Сейчас множество есть других Хемингуэев, сейчас гораздо больше. О мультикультурности он говорит в культуре. Никогда такого прежде не было в Америке. Мы не всегда слышим о них, то есть они не всегда на слуху. Да, конечно, у нас есть Голливуд и всякие звёзды. Но это то, что осталось от второй волны, то есть это не то, что создала третья волна. Это началось ещё тогда, вчера, это во второй волне, компьютер для этого был не нужен. А сейчас миллионы детей учатся создавать новое искусство на компьютерах. Я думаю, что ... коротко.

Мы не должны придавать больше глянца прошлым достижениям и считать, что теперешние достижения их не достойны. Были великие писатели, были великие актеры, великие политические деятели, но жизнь для обычного человека не была хорошей и она была хуже, чем она сейчас, она была короче, не лечили как нужно. Если спросить: "Когда бы я хотел родиться?". Я бы не хотел родиться многие столетия назад. Думаю, что тогда вы бы здесь не сидели тоже, если бы родились сотни лет назад. Мы читаем многих писателей прошлого, но я не хотел бы сам туда отправиться, в более ранний исторический период.

Председательствующий. Спасибо.

Глазьев С.Ю. Уважаемые коллеги, понимаю, что времени остается очень мало, я, может быть, вкратце хотел поделиться своими размышлениями на тему не столько философии будущего, сколько возможностями нашего управления будущим.

Сейчас и в России и в мире очень модной темой становится стратегическое планирование. После эпохи радикального либерализма и рыночного фундаментализма 90-х годов, которые во многом разрушили те системы целеполагания и долгосрочного прогнозирования, которые были в развитых странах, в том числе у нас, наступает новая эпоха и практически во всех ведущих странах мира предпринимаются очень серьезные усилия по долгосрочному прогнозированию социально-экономического развития, по долгосрочному (на 50 лет вперед) научно-технологическому прогнозированию и восстанавливаются забытые в 90-е годы методы программно-целевого управления.

Мы тоже стоим на пороге этого переосмысления планирования будущего и, если раньше у нас прогнозы в основном носили чисто экстраполяционный характер, то сегодня это стало дурным тоном. Все начинают говорить о переходе на инновационный путь развития, и даже наше не очень образованное правительство сегодня прогноз делает в двух вариантах: инерционный и инновационный.

Но, к сожалению, мало поставить эти задачи, нужно ещё научиться чувствовать будущее. Социально-экономическое развитие в принципе является не определенным, в значительной степени не равновесным и не линейным. То же самое касается технического развития. Как мне представляется, искусство управления будущим заключается в возможности вовремя понять и оседлать новую волну научно-технического прогресса. Те, кто входит на новую технологическую траекторию первыми, получают лавинообразную отдачу не затрачивая больших усилий. Те, кто пытается догнать лидеров уже в фазе сложившейся технологической траектории, могут потратить огромное количество ресурсов, но так и остаться позади.

Поэтому очень важно понимать, где эти новые технологические прорывы и траектории, которые формируют новую технологическую волну? В моем понимании сегодняшняя наука о технико-экономическом развитии позволяет нам достаточно чётко прогнозировать точки роста новой технологической волны, которая соответствует шестой длинной волне Кондратьева. Это революция в микроэлектронике на основе нанотехнологий и в информационных технологиях. Это прорыв в биотехнологиях, в геномной инженерии и молекулярной биологии, которые сопровождаются очень серьезными сдвигами в системе потребления общества, в экономической структуре.

Сегодня мы уже видим, что расходы в одном из этих направлений (в частности, в молекулярной биологии и геномной инженерии) в Америке превышают расходы на научные исследования, на физику и космос вместе взятые. А здравоохранение стало крупнейшей отраслью экономики, на долю которого в Америке приходится 12 процентов валового продукта.

И эти тенденции показывают наши, высвечивают наши возможности. При всех колоссальных разрушениях, которым подвергся российский научно-производственный комплекс, у нас остаются немалые заделы и в молекулярной биологии, и в атомной промышленности. Есть сложившиеся научные школы, которые работали давно уже в сфере, близких к нанотехнологиям. То есть имеется определенный набор знаний и практического опыта, активизация которого дает России шансы оседлать хотя бы некоторые направления этой новой технологической волны.

И мне кажется, что без стратегического планирования в масштабах всей государственной политики, ориентированного на эти перспективные направления глобального экономического роста, Россия на инновационный сценарий развития перейти не сможет. Мы будем катиться по инерционному сценарию, как экспортер сырья, теряя умы, эмигрирующие за границу, и не имея возможности использовать нефtedоллары, которые получаем от экспорта этого сырья.

Я в заключение приведу один пример. Я, к сожалению, опоздал, я не смог участвовать в дискуссии, потому что в правительстве мы проводили рабочее совещание по вопросам развития нашей биотехнологической промышленности. В свое время Советский Союз вышел на второе место в мире по объему производства биотехнологической продукции. Это не только кормовые добавки, это сегодня и вакцины, это генетически модифицированные растения, включая деревья и сельскохозяйственные культуры. Это революция в здравоохранении, включая стволовые клетки и другие направления клеточной медицины. Это огромный спектр приложений современной молекулярной биологии, который в перспективе будет генерировать до (по нашим оценкам) от 15 до 20 процентов валового продукта передовых стран. У России сегодня есть потенциал.

Но каждый второй выпускник наших университетов по специальности "Молекулярная биология" уезжает из страны.

Две трети аспирантов, которые защищают диссертации в сфере геномной инженерии, молекулярной биологии, покидают Россию. Это притом, что у нас казна ломится от нефtedолларов, и на организацию современной лаборатории в сфере геномной инженерии

требуется около двух миллионов долларов и хороший коллектив специалистов в количестве до десяти человек.

То есть мы имеем сегодня все возможности, чтобы оседлать эту новую технологическую волну, мы имеем пока ещё научные школы, имеем выпуск хороших перспективных молодых специалистов, имеем институты в Академии наук, имеем определённый производственный опыт, нам нужны просто механизмы финансирования всей этой деятельности. Вот здесь мы сталкиваемся с самым узким местом в управлении нашем будущем, связанным с тем, что, имея избыток денег сегодня от внешней торговли, мы не имеем институтов, которые бы направили эти средства в генерирование научно-технической и экономической активности в перспективных направлениях научно-технического прогресса.

Я должен признать, что в отличие от либеральной политики, которая не предполагает высокой квалификации государственных топ-менеджеров, политика развития требует очень высокой квалификации, требует глубоких знаний, и требует склонности к творчеству со стороны государственных руководителей. К сожалению, отсутствие этих предпосылок, точнее отсутствие этих качеств в нашей государственной бюрократии сегодня приводит к тому, что мы упускаем колоссальные возможности. И вместо того, чтобы заниматься развитием своим, направляем имеющиеся у нас ресурсы на поддержание военных расходов других стран.

Спасибо.

Председательствующий. Спасибо, Сергей Юрьевич.

_____. У мистера Тофлера вопрос. А что же у нас с бюджетом на развитие науки?

Глазьев С.Ю. Я могу сказать, что в начале 90-х годов государственные ассигнования на финансирование науки сократились на порядок.

Председательствующий. Минимум в 20 раз.

Глазьев С.Ю. По разным оценкам, да, падение около 20 раз произошло.

С тех пор финансирование науки немного увеличилось. Но в настоящее время мы по-прежнему тратим на науку, я думаю, в пять, может быть, в восемь раз меньше, чем тратил Советский Союз. И по отношению к валовому внутреннему продукту расходы на науку составляют около полутора процентов. Совокупное.

Председательствующий. А из федерального бюджета 0,3 процента.

(Говорит по-английски).

Мы потеряли за эти годы половину учёных. При этом те, кто остались, постарели лет на 10-15.

Председательствующий. Спасибо.

Уважаемые коллеги...

_____ . Можно два слова, буквально два слова? Потому что нельзя так оставлять... Я с этим категорически не согласен при всём своём уважении к Сергею Юрьевичу.

Председательствующий. Значит, вам ещё придётся выслушать потом меня.

_____ . Я с удовольствием вас выслушаю. Я ушел из науки именно из этой сферы, и не за границу, а в Думу. И, работая в Думе, я написал статью с генетических позиций о будущем человечества... (Говорит без микрофона). Я не со всем согласен, что здесь звучало, но я очень благодарен организаторам обсуждения. Там стоят журналисты, ждут преемника, но здесь, мне кажется, интереснее.

Председательствующий. Спасибо большое.

Уважаемые коллеги, к сожалению, мы готовы были дать слово всем, но время заканчивается. Если позволите, положенные мне 3-5 минут.

Начну с того, что, как и всех, вероятно, присутствующих, меня очень интересует будущее мира и сценарий его развития. Но не в меньшей степени меня интересует будущее моей страны и её место в этих сценариях. В своё время, почти 20 лет назад, мне довелось написать статьи с попыткой анализа сценария постсоветского развития России. Там были проанализированы четыре сценария. И наиболее вероятным сценарием будущего был признан следующий: правоавторитарный режим с выраженным национально государственным окрасом. Конечно, тогда я ещё не мог знать, что этот режим получит название - суверенная демократия. Однако сейчас нас интересует не подтверждение прежних сценариев, а возможность новых. И здесь я солидарен с Сергеем Глазьевым. Под разговоры об инновационном сценарии нам фактически предлагается инерционный. Если внимательно посмотреть трёхлетний бюджет, принятый в России, то мы увидим, что это бюджет наращивания силовых структур государства. Только один пример. Расходы на образование за три года увеличатся на 20 процентов, расходы на силовые структуры, не считая армии, на 45. Думаю, с такой бюджетной политикой в общество знания войти будет очень и очень трудно. Я, безусловно, разделяю идеологию о необходимости инновационного развития и движения по направлению к обществу знаний. Более того, в документах движения "Образование - для всех" среди прочих позиций мы

по стопам Римского Клуба предложили проект инновационного обучения, то есть подготовки граждан к формированию, а потом к жизни в условиях будущей цивилизации.

Но я вместе с тем прекрасно понимаю, что трудности на этом пути у моей страны очень значительные. Российские коллеги это знают. Приведу пример для наших зарубежных гостей.

Уже восемь лет страна переживает экономический рост. Но мы должны констатировать следующий парадокс: чем больше в стране денег, тем ниже в относительном, а иногда и в абсолютном выражении показатель развития человеческого потенциала.

Здесь присутствует Сергей Николаевич Бобылев, который подтвердит, что после страшного кризиса 90-х в 1999 году по развитию человеческого потенциала Россия занимала 55-е место в мире, а согласно последнему докладу - 67-е.

Нам говорили, что современный человек дольше живет, это - смотря где. Согласно официальным данным российской статистики, в 2005 году продолжительность жизни женщины в стране составляла 72 года, в 2006 году - 70 лет. Продолжительность жизни мужчины в 2005 году - 58 лет, в 2006 году - 56 лет.

Между тем мы прекрасно знаем, что из трех составляющих развития человеческого потенциала именно образование, по крайней мере, на наш взгляд, является ключевым. Образование прямо сказывается на уровне благосостояния людей, даже, несмотря на чудесную политику отечественного правительства, которое меньше всего платит работникам сферы науки, образования и культуры. И образование прямо сказывается на продолжительности жизни людей. Поэтому мы поддерживаем известный лозунг независимо от того, кому он принадлежал - Владимиру Ленину, Тони Блэру или профессору Тофлеру: "Образование, образование и еще раз образование".

Вместе с тем я думаю, надо признать правоту и Людмилы Булавки, которая в другой форме напомнила нам старую формулу: "Знания без воспитания культуры - это меч в руках сумасшедшего". Поэтому, безусловно, общество знаний в идеале должно быть и обществом культуры и гуманизма.

Дорогие друзья! Я от всей души благодарю наших гостей и всех российских участников "круглого стола" в заключение на память о пребывании в Государственной Думе я хочу вручить чете Тофлер символический подарок с изображением нашего парламента и с надеждой, что он, да при нашей жизни, станет действительно органом власти.

Спасибо.